

INSPIRIA

БЛУЖДАЮЩИЕ

ДУШИ

СЕСИЛЬ ПИН

INSPIRIA

Сесиль Пин

Блуждающие души

Серия «Loft. Этничность и миграции»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69646105
Сесиль Пин. Блуждающие души: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-192148-4

Аннотация

«Я пытаюсь выстроить историю между ужасом и сказкой, отыскать хоть какой-то проблеск истины».

В конце 1970-х годов глава семьи Фан принимает решение эмигрировать из Вьетнама – решение, которое разрушит их семью и перевернет жизнь уехавших с ног на голову.

Часть детей – старшая сестра Ань и двое братьев Минь и Тхань – едут первыми, ожидая, что воссоединятся с семьей в лагере беженцев в Гонконге. Этому плану не суждено сбыться – внезапная трагедия оставляет троих детей сиротами. Шестнадцатилетняя Ань в одночасье становится нянькой для своих младших братьев.

Вскоре все трое иммигрируют в Великобританию времен Тэтчер. Смогут ли они обрести счастье в незнакомой стране и справиться с преследующей их виной выжившего? Будут ли оправданы гибель родных и жертвы, на которые пришлось пойти

Ань? Ответы вы найдете в этом глубоком поэтичном тексте, написанном как манифест человечности и ценности жизни.

«Блуждающие души» – это невероятно сильный дебютный роман о любви, утратах, эмиграции, последствиях колониализма. Для поклонников книг «Сочувствующий» Вьет Тхань Нгуена и «"Корабль любви", Тайбэй» Эбигейл Хин Вэнь.

Содержание

Часть I	7
1	8
2	19
3	21
4	29
5	31
6	42
7	51
8	54
9	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Сесиль Пин

Блуждающие души

Cecile Pin

Wandering Souls

Copyright © Cecile Pin 2023

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© Midori / Shutterstock.com

© Qilli / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Рахманько А., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

«Крайне гуманистическое, выходящее за рамки

жанра произведение о любви и бескомпромиссной надежде».

Оушен Вуонг

*** * ***

Она родила сына, и Моисей нарек ему имя: Гирсам, потому что, говорил он, я стал пришельцем в чужой земле.

Исход, Глава 2, стих 22

Глядя на их маленькие тела, я гадала, где помещается скорбь в таких небольших сосудах¹.

Красные части. Мэгги Нельсон

¹ *Мэгги Нельсон. «Красные части» / пер. Анастасии Каркачёвой. М.: No Kidding Press, 2021. С. 146. (Прим. пер.)*

Часть I

Ноябрь 1978 – Вунгтхэм, Вьетнам

Прощания и вылавливание трупов случились на самом деле, все остальное – лишь домыслы.

В последующие годы Тхи Ань позволяла страшным воспоминаниям о лодке и лагере сочиться из нее до тех пор, пока они не превратились в шепот. Но за последний вечер она держалась всеми силами: от запаха риса на кухне до ощущения кожи матери, когда она обняла ее в последний раз.

Она помнила, как мама готовила ее любимое блюдо – тушеную свинину в карамели и яйца, запекая Tous Les Garçons et Les Filles Франсуазы Арди. И хотя французы ушли из Вьетнама двадцать пять лет назад, их музыка осталась, мелодии йе-йе² звучали во всех домах деревни Вунгтхэм.

Ань собирала рюкзак в соседней комнате, обдумывая, что взять, а что оставить.

– Лучше езжай налегке, – посоветовал ей отец. – В лодке будет тесно.

Она прижала к груди школьную форму, плиссированную юбку и белую рубашку, из которой она в свои шестнадцать уже выросла, рукава были коротковаты, и сложила в рюкзак.

² Йе-йе – стиль музыки, который сложился во Франции в 1960-х, название дано по английскому уes. (Прим. ред.)

Ее братья Тхань и Минь занимались тем же самым в комнате напротив: по кафельному полу были разбросаны их вещи, и до нее доносились споры. У мальчиков был один рюкзак на двоих, и Тхань настаивал, что поскольку его одежда немного меньше в размере, ведь ему десять лет, а Миню – тринадцать, то старший брат должен взять меньше вещей.

– Твоя одежда занимает слишком много места. Будет честно, если я возьму больше, чем ты. – Мама отправилась в их комнату, чтобы выяснить причину шума, и запах карамелизированной свинины последовал за ней. Пока Тхань объяснял проблему, его голос становился все тише: раздраженный вид матери заглушил его пустяковое беспокойство. – Извини, – пробормотал он, и Минь бросил на него торжествующий взгляд. – Это совсем не важно.

Двери в комнату были приоткрыты, и Ань заметила младшего брата Дао, наблюдавшего за ссорой с края своей футоновой кровати. Он был в огромной футболке, доставшейся ему от Тханя, и беспокойно теребил в руках одеяло. Ань знала, как он не любит, когда братья ссорятся: боялся, что придется выбирать сторону и злить одного из них. Именно о Дао Ань беспокоилась больше всех. Она беспокоилась о его жизни в Америке, о том, что из-за застенчивости ему будет сложно найти друзей. Последние несколько месяцев она пыталась пробиться сквозь его броню, уговаривая поиграть в джан би или джан дáo³ с деревенскими детьми у баньянового

³ *Đánh bi* или *Đánh đáo* – игра в стеклянные шарики, в такие играли в сериале

деревя. «Только не это, пожалуйста, – отвечал он, выглядывая из-за ее спины. – Я лучше побуду с тобой».

Мама стащила его с кровати, он протянул руки и ухватился за нее.

– Пойдем, Дао, – сказала она, подняв его. – Твоим братьям нужно закончить сборы. – Они вышли из спальни мальчиков, и, проходя мимо Ань, мама спросила: – Ты готова? Мне бы не помешала твоя помощь с ужином.

– Да, Ма, – ответила Ань и принялась набивать рюкзак оставшимися вещами, разложенными на кровати.

После чего она последовала за ними на кухню, и мама выпустила Дао из своих объятий.

– Можно я тоже помогу? – спросил он.

Мама аккуратно убрала ему волосы со лба:

– Нет, сегодня у нас нет заданий для маленьких мальчиков. Можешь посидеть с отцом в гостиной.

Дао разочарованно кивнул и, глянув на Ань своими огромными глазами, отправился в гостиную. Ань догадывалась, что мама хотела побыть с ней наедине, чтобы потом бережно хранить в памяти это мгновение со старшей дочерью перед ее отъездом.

Ее самый младший брат Хоанг спал в своей кроватке, убаюканный ритмичными звуками маминой возни на кухне, звоном сковородок и шипением масла. Ань помешивала свинину, пока мама дрожащими руками шинковала квашеную

капусту. Они как будто разыгрывали сцену: обычный вечер в середине недели, кухня – подмости, а кастрюли и сковородки – реквизит. Перемещаясь по небольшому пространству, они избегали взглядов друг друга, их привычный разговор свелся к редким наставлениям: «Проверь, чтобы на дне сковороды ничего не осталось» или «Добавь немного рыбного соуса нызэк чэм»⁴. Несколько раз Ань замечала, как мама разжимала губы, чтобы что-то сказать, словно пыталась выпустить наружу мысль, которая тяготила ее, но вырывались только вздохи.

Младшие сестры Май и Вэн накрывали на стол, осторожно стараясь удержать стопки пиал и тарелок в своих маленьких ручках, их длинные волосы развевались за спиной, шлепание босых ног было едва слышно. При этом девочки проверяли друг у друга школьные уроки.

– Четырежды четыре – шестнадцать; четырежды пять – двадцать; четырежды шесть – двадцать четыре, – повторяли они нараспев, и когда одна из них ошибалась, другая отчитывала ее за это. – *Двадцать восемь*, а не двадцать шесть, – поправила Вэн свою сестру по пути на кухню.

От сковороды поднимался пар, и Ань раскладывала свинину по тарелкам, вручая каждой из сестер по порции. Им нравилось подавать еду к столу, потому что удавалось урвать несколько кусочков, но их вечно выдавали крошки на их белых жилетах. Конечно, стоило им скрыться из виду, как до

⁴ *Nước chấm* – традиционный рыбный соус. (Прим. пер.)

Ань донеслись слова Май:

– Слишком большой кусок, – на что Вэн лишь шикнула в ответ.

В глубине гостиной отец, сгорбившись, сидел у домашнего алтаря, пока Дао внимательно наблюдал за ним с потертого кожаного дивана. Алтарь был украшен фотографиями в рамках – бабушек и дедушек. Родители отца с суровым видом смотрели в объектив камеры, в руках – новорожденный Вэн, за спиной – их дом. На заднем плане по сухой и темной земле Вунгтхэма бродила соседская курица, на веревке между окном кухни и близлежащей пальмой сушилось белье. Ба ноай⁵ позировала у вычурной лестницы на свадьбе своей дочери, в туфлях на небольшом каблуке, волосы собраны в пучок. Он ноай⁶ на портрете крупным планом напоминал состарившуюся голливудскую звезду – с белоснежными зубами и легкой сединой. За последние три года, после падения Сайгона и отъезда последних солдат в Америку, все бабушки и дедушки умерли друг за другом – их унесло, как порыв ветра уносит увядающую листву. К тому времени они были старыми и изможденными, и их смерть никого не удивила. Но стремительность, с которой все произошло, заставило Ань задуматься, не повлияла ли на это война, может ли надежда быть источником жизни, а ее исчезновение – предвестником смерти?

⁵ Bà ngoại – бабушка по материнской линии. (Прим. пер.)

⁶ Ông ngoại – дедушка по материнской линии. (Прим. пер.)

Отец смахнул рукавом пыль с портрета своей матери и принялся осматривать рамку при свете свечи. Убедившись в ее чистоте, он аккуратно поставил ее рядом с другими и зажег благовония. Он молился с горящей палочкой в руках, и вскоре мама вышла из кухни, чтобы присоединиться к нему. Чиркнув спичкой, она зажгла благовония, и в их молитвах Ань могла разобрать свое имя вместе с именами Тханя и Миня и просьбу послать безопасное путешествие и спокойное море. Дао поднялся с дивана и, приблизившись к ним, потянул мать за рубашку.

– Можно мне тоже? – спросил он, и она отдала ему свою палочку с благовониями, для себя же зажгла новую.

Ань слышала, как его робкий голос слился с молитвой родителей, наблюдала, как они втроем стоят на коленях под пристальным взглядом предков. Через несколько минут отец поднялся и, всплеснув руками, произнес:

– Пора ужинать.

Ужин – его-то она запомнила. Лунный свет подсвечивал комнату мягким сиянием, пар от тушеной капусты сливался с благовониями. Из кровати доносилось сопение малыша Хоанга, и мама иногда проверяла, не проснулся ли он. За столом вместо привычного бурного смеха и шума царил угнетающая тишина. Подслеповатыми глазами отец каждые несколько минут смотрел на часы. Мать резала на мелкие кусочки мясо для Дао, упрекая его, что он до сих пор не научился пользоваться палочками для еды.

– Ты уже не маленький, – сказала она, и Дао стыдливо опустил голову.

– Ничего страшного, – прошептал ему Тхань. – Иногда я тоже с трудом справляюсь с большими кусками мяса.

Май и Вэн, которые обычно наперебой щебетали о проведенном в школе дне, сегодня возили палочками по тарелкам, оставляя ужин недоеденным. Хотя они не совсем понимали, в чем дело, что-то в напряженных движениях родителей подсказывало им, что это необычный, мрачный вечер.

Чтобы нарушить тишину, Ань попросила отца напоследок повторить план, и Минь испустил стон:

– *Опять?* Мы уже знаем его наизусть. – И это было именно так. План простой, отец пересказывал его бесчисленное количество раз, и Ань твердила его каждый вечер перед сном, словно накануне экзамена. Сегодня вечером она, Тхань и Минь должны отправиться в Дананг, где их будет ждать лодка, чтобы отвезти в Гонконг.

– Там вам предстоит провести некоторое время в лагере для таких, как мы, – произнес отец, пока Дао пытался справиться со своими палочками для еды, но кусочки мяса выскальзывали на полпути между ртом и пиалой. Май и Вэн, поставив локти на стол, подперли головы ладонями: им уже приходилось слышать эту историю бесчисленное количество раз, и она им наскучила. Отец позаботился об оплате хозяину лодки: по двенадцать кусков золота за каждого. – Об этом вам не придется беспокоиться, – пояснил отец. – Мы присо-

единимся к вам в лагере через пару недель, и все вместе отправимся в Америку к дяде Наму, в *Нью-Хейвен*.

Ему всегда удавалось пересказать план без тени сомнения в голосе, и Ань терялась в догадках: скрывал ли он свое беспокойство или его уверенность в самом деле была настолько сильной? Она следила за тем, как он в очередной раз описывает путешествие в перерывах между редким жеванием свинины и риса, чертя пальцами карту на столе. Ей и в голову не приходило усомниться в авторитете отца или в том, насколько много он действительно знает. Ей не приходило в голову, что его брат и контрабандисты, вероятно, не упоминали о невероятном количестве возможных рисков, а может, и попросту врали. Еще до окончания войны ее дядя Нам совершил такое же путешествие со своей женой и двумя детьми, чем разжег в ее отце искру желания уехать из Вьетнама. Вскоре эта искра переросла в пламя, которое подпитывали письма от Нама, украшенные марками с американским флагом и подробно описывающие его роскошную новую жизнь с гигантскими супермаркетами, «Фордами» и «Шевроле». Эта идея превратилась в одержимость, сделав отца глухим к переживаниям матери и слепым к трудностям предстоящего путешествия.

Поскольку Ань, Минь и Тхань были старшими детьми, родители решили отправить их первыми, разделив семью на две части. Ань и в голову не приходило, что это разделение пополам было первым сигналом опасности, первой подсказ-

кой – ее отец знал, что одна из половинок может не перенести испытаний.

* * *

Как только спустились сумерки, Ань поцеловала Хоанга в лоб и обняла на прощание Май, Вэн и Дао – они едва держались на ногах и сильно хотели спать. Ей же хотелось подольше не отпускать их, сжать так крепко, чтобы частичка их души проникла в ее сердце. Но она знала, что впереди длинная ночь и что лодка в Дананге не будет ждать, поэтому отпустила их и вернулась к матери.

– Присмотри за братьями, – сказала ей Ма, протягивая Ань три коробки с остатками ужина. В другую руку она незаметно вложила ей маленькую семейную фотографию, сделанную соседом на последний тет⁷. Ань принялась внимательно разглядывать фото. Тесно прижавшись друг к другу, со строгими лицами, они в своих лучших аозай⁸ сидели на диване в гостиной: Май, Вэн и Ань – в одинаковых розовых, а мальчики – в бледно-голубых. Родители расположились по краям, мама была на позднем сроке беременности Хоангом. Май и Вэн сидели у родителей на коленях, а Дао – на коленях Ань, в центре фотографии, наклонив голову в сторону, чтобы не закрывать сестру. По обе стороны от них сиде-

⁷ Tết – вьетнамский новый год по лунному календарю. (Прим. пер.)

⁸ Áo dài – традиционный вьетнамский костюм. (Прим. пер.)

ли Тхань и Минь, крепко обнимая младших сестер. Они изо всех сил старались выполнить просьбу отца не двигаться и не моргать: он не мог позволить себе второй снимок. Ань пристально вглядывалась в лица своих родных, боясь, что, если ее внимание ослабнет, она расплечется. – Увидимся через несколько недель, – сказала мать, когда Ань оторвалась от фотографии и положила ее в рюкзак.

Она обняла родителей напоследок и подождала, пока Тхань и Минь сделают то же самое. Братья держались stoически, но казалось, что, если кто-то проявит хоть какие-то эмоции, они не смогут отпустить друг друга.

– Всегда держитесь вместе, невзирая ни на что, – наказал отец, в его голосе слышалась требовательность: это было даже не наставление, а приказ. Он напоследок похлопал Миня по плечу и нежно потрепал Тханя по волосам, глядя на двух старших сыновей так, словно видит их впервые, впитывая их черты, запечатлевая их в памяти. – Берегите сестру.

Дао, посасывая большой палец одной руки, другой вцепился в мать, а Май слегка зевнула, робко помахав на прощание.

– Боишься? – спросила Вэн Ань, с опаской и недоверием думая о ночи, которая предстояла ее старшим братьям и сестре. Бледные звезды висели над их деревней, листья деревьев медленно танцевали на ветру в такт стрекоту сверчков. – На улице так темно.

Ань на мгновение заколебалась.

– Не боюсь, – ответила она. – Все будет хорошо, вот увидите. – И она никогда не перестанет сожалеть о том, что ее последнее обращение к семье было ложью, фальшивым и бесполезным утешением. Кивнув родителям, она взяла Тханя и Миня за руки, и они вместе покинули дом, отправившись по пыльной дороге на север. Семья смотрела вслед троим детям, пока темнота ночи не поглотила их полностью и остались только тени Вунгтхэма.

* * *

Три месяца спустя Ань стояла на пляже южного побережья Гонконга. Несмотря на утренний бриз, ее ноги обжигал песок, а на плече лежала назойливая, но вместе с тем успокаивающая рука офицера. Врач откидывала простыни с лежащих перед ними тел, одну за другой. Она внимательно вглядывалась в лица, одно за другим, пока не увидела своих родителей, братьев и сестер. Она подтвердила офицеру и врачу, что это ее родные. Вспоминая об этом позже, Ань жалела, что их вообще выловили; отсутствие тел означало безграничные возможности – жизни, воссоединения и безмятежности.

2

Дао

Лодка была переполнена, стоял неприятный запах. Я сидел на коленях у отца. Капли морской воды попадали в глаза, раздражая их, одежда промокла и прилипала к коже, мне было холодно. Сестры сидели по обе стороны от мамы, вцепившись в ее руки, она же прижимала к груди малыша Хонга.

Мы уехали из Вунгтхэма четыре дня назад в кромешной тьме и начали долгий путь на север. На следующий вечер, когда мы достигли берега Дананга, наши ноги уже покрылись мозолями и кровоточили так, что стоило нам ступить в лодку, как мы окрасили ее в красный цвет.

Конечно, я слышал истории о духах, когда был жив.

Духу он ноай, дедушке,

Оставили мы мангостан

и сигареты

рядом с портретом и благовониями у домашнего алтаря.

Звуки мокрой одежды

духа Тхэн ланг⁹ в деревне

Доносились до детей на берегу озера,

⁹ *Thần làng* – бог или дух населенного пункта. Обычно вьетнамцы поклоняются духам или богам фамильного рода и места жительства. Тхэн ланг – родоначальник, святой конкретной деревни или городка. (Прим. пер.)

Что поглотило его

Столетие назад.

Но я всегда представлял себе духов старыми, мудрыми, веселыми существами с длинной бородой и морщинистой кожей. Мне не приходило в голову, что духом может быть семилетний,

и вот он я.

Я мало что помню о своей смерти. Накануне ночью был шторм; грохочущие волны раскачивали лодку и заглушали плач младенца. Помню, как на следующий день капитан сообщил, что мы отклонились от курса на юг и нужен дополнительный день, чтобы добраться до Хайнаня.

Помню рыбаков
с их незнакомой речью,

Лезвия их ножей сверкали
на закате.

А затем – чувство невесомости, когда я покинул свое тело, а гравитация – меня. Вокруг – сплошной белый океан, и я дрейфовал в нем, пока со мной не оказались рядом младший брат и отец, сестры и мама. Затем белизна растворилась, как туман с приближением дневного света,

и я смотрел на лодку сверху,

правда, она затонула под волнами,
окруженная телами на поверхности воды.

3

Декабрь 1978 – Южно- Китайское море

Ань, Тхань и Минь добрались до южного побережья Хайнаня через восемь дней после того, как покинули Вунгтхэм: их лица осунулись, глаза запали, промокшая после вчерашнего шторма одежда выглядела потрепанной. Рука Миня кровоточила после того, как его швыряло в водах бурного моря, и Ань смастерила для него повязку из футболки. Вместе с тридцатью другими пассажирами она сошла с лодки и сделала несколько неуверенных шагов, прежде чем лечь на теплый песок, чтобы унять дрожь в теле. Когда братья присоединились к ней и солнце коснулось ее лица, Ань заметила пальмы, их стройный ряд вдоль берега, спокойную голубую воду, которая чуть не проглотила их прошлой ночью. Белые скалы и зеленые от растений горы высились на горизонте, и стало ясно: они очутились в прекрасном месте.

– Даже представить себе не мог, что Китай так выглядит, – сказал Минь.

С материка прибыл десяток деревенских жителей, захвативших с собой емкости для жидкости и строительные инструменты. Они подбежали к капитану лодки, который дал им мешочек с чем-то, что Ань приняла за золотые моне-

ты. После этого некоторые из местных поднялись на лодку, чтобы устранить повреждения, а другие принялись раздавать воду пассажирам. На пороге одного дома Ань заметила пожилую женщину, издали наблюдавшую за ними. Ее взгляд был доброжелательным, и Ань представила, какими она, должно быть, увидела их – съезжившихся и дрожащих, в порванной одежде, с красными от морской воды глазами. Она приподнялась, чтобы выпрямить спину и сесть на песок в достойной позе, но, когда она снова посмотрела в сторону того дома, женщины там уже не было.

Ань погрузилась в дремоту, пока ее не разбудило легкое похлопывание по плечу. Пожилая женщина стояла над ней с миской рамбутанов, протягивая ее с выражением на лице все того же сочувствия. Она произнесла что-то непонятное для Ань, и до нее дошло, что она и ее братья выжили, что теперь они на чужой земле и как никогда далеки от дома. Пока мужчины и пассажиры чинили лодку, первые намеки на тоску по дому пробрались в нее, словно ядовитые змеи. Братья сидели на песке и ели фрукты, сок стекал у них по подбородкам. Ань осторожно достала из рюкзака семейную фотографию. Вода просочилась сквозь бумагу, и половина чернил смылась, а вместе с ними – ее лицо и лица ее братьев: вместо них по всему изображению шли желто-белые полоски. Родителей, Май и Вэн с трудом можно было рассмотреть под черными пятнами, усыпавшими то, что осталось. Ань в оцепенении смотрела на их обезображенные черты, как буд-

то лица могли снова появиться, а затем положила промокший снимок в рюкзак, стараясь не загнуть ни одного края.

К тому времени, когда они закончили есть, ремонт был завершен, и капитан поторапливал всех вернуться на судно, пока погода не испортилась. Пассажиры, расположившиеся вокруг Ань, поднимались с песка, и в них снова затеплилась надежда, что худшее осталось позади. Она наблюдала, как отцы несли спящих детей на руках, как мать напевала колыбельную, кормя младенца остатками своего молока. Вместе с братьями Ань поднималась в лодку, тщетно отыскивая взглядом незнакомку, которая проявила к ним доброту. Но пришлось с сожалением осознать: та ушла, не попрощавшись.

* * *

Через два дня они достигли берегов Гонконга, их гниющая и треснувшая лодка грациозно обрушилась на южное побережье острова Лантау. К ним приближалось полицейское судно, с борта которого что-то кричали офицеры.

– Откуда вы? – офицеры обратились к капитану по-английски, который Ань немного понимала, потому что ее отец преподавал этот язык в Вунгтхэме. Обменявшись несколькими фразами, полицейские досмотрели пассажиров, не выпуская из рук аптечку первой помощи. Один из них размотал повязку Миня и, не проявив ни безразличия, ни доброжела-

тельности, наложил мазь на порез, отчего мальчик скривился от боли. Полицейский заклеил рану пластырем и дал детям немного сухого печенья и пакет молока – все это было тут же съедено и выпито.

Их посадили в автобус и отвезли на крупную верфь: высокие балки поддерживали порванную серую брезентовую крышу, сквозь дыры в которой виднелось небо. Внутри Ань тут же окутала вонь пота, грязи и скопления множества людей в одном месте. Ее снова пробрала дрожь, сырость и холод пронизывали до костей. На самодельных матрасах, брошенных на пол, вповалку сидели и лежали мужчины и женщины всех возрастов. Одни спали, другие играли в карты, но при виде вновь прибывших поднимали головы. По верфи бродили врачи, проверяя у всех легкие и рты. Между металлическими столбами по всему помещению были сооружены вешалки, с которых свисала промокшая насквозь одежда, капли воды ритмично ударялись об пол. Должно быть, здесь собралось больше сотни человек, но висела тяжелая тишина, шаги каждого из братьев и сестер отдавались эхом в пустоте. Полицейский крикнул им что-то на кантонском языке. Он тыкал пальцем в угол и что-то повторял, растягивая каждое из слов, как будто замедленное произношение делало их понятными. Но так как никто из детей не двигался с места, а просто с испугом таращился на полицейского, он закатил глаза и отвел их к стене в задней части здания.

Там их ожидал изношенный матрас, и Ань опустила на

него свой рюкзак. Рядом расположилась семья из четырех человек: отец держал на руках младшего ребенка, мать рыдала, а дочь тихо гладила ее по волосам. С другой стороны сидел молодой мужчина лет тридцати. Он внимательно наблюдал за Ань и ее братьями, пока те устраивались на матрасе и озирались вокруг. Ань чувствовала, как сосед следит за их нервными движениями, за тем, как они медленно расправляют фuton и усаживаются по его краям. Полицейский вернулся, выкрикивая слова, которых она не понимала.

– Он спрашивает, откуда вы приехали, – пояснил молодой человек, сидевший рядом.

Ань повернулась к нему. На лбу соседа красовался большой шрам, рассекая бровь надвое.

– Вунгтхэм, – ответила она. – Из южной части Центрального Вьетнама.

Мужчина перевел, офицер кивнул и ушел, черкнув что-то на листе бумаги.

– Вы говорите на кантонском? – спросил Минь, и мужчина рассмеялся.

– Конечно. Многие из нас говорят. Мы – народ хоа¹⁰.

– Где мы? – спросила Ань, пытаясь скрыть свой страх.

– В карантине, – ответил он. – Вас продержат здесь две недели. А после этого – кто знает.

Все четверо замолчали, братья смотрели на Ань, словно

¹⁰ Хоа – народность, проживающая на юге Вьетнама. Относится к китайской этнической группе. (Прим. ред.)

солдаты в ожидании приказа. Но она тоже не знала, что делать с этой новой информацией. Родители не рассказывали ей об этой части – о верфях и следах фекалий на матрасах, о том, как оглушает коллективное молчание толпы. Она оглядела людей вокруг и поняла, что стала одной из них, бездомной, воняющей и слабой, стала разносчиком заразы, и теперь ее воспринимают как паразита. К ним подошла женщина и посыпала их волосы белым порошком, от которого все трое зашлись кашлем.

– От вшей, – только и сказала женщина, перейдя к следующей группе новоприбывших.

* * *

– Нет никаких причин так грустить, – сказал молодой человек при виде страдальческих лиц Ань, Тханя и Миня. – Считайте, что вам повезло, что вы вообще добрались. Иногда они даже не позволяют нашим лодкам причалить. – Он почесал голову, откуда посыпалась перхоть.

– А что случается, если не позволяют? – спросил Тхань своим писклявым голосом.

Мужчина пожал плечами и отвел взгляд:

– Приходится возвращаться обратно во Вьетнам.

Ань уставилась на желтое пятно в углу матраса. Мужчина снова посмотрел на детей, на этот раз с бóльшим сочувствием. На лице его появилась слабая улыбка.

– С вами все будет в порядке, – уверил он. – Главное – не кашлять в присутствии работников. И, если вам нездоровится, то при их приближении нужно сделать вот так.

Он ущипнул себя за щеки, и они налились здоровым розовым цветом. Ань не знала, поддакивать ей или смеяться, шутка это или вопрос жизни и смерти. Женщина слева от них издала громкий, пронзительный крик. Все уставились на нее. Дочь продолжала гладить ее по волосам, а муж нервно шикнул, его глаза настороженно бегали влево-вправо.

– Почему она плачет? – поинтересовался Тхань у мужчины, румяные щеки которого начали бледнеть.

Мужчина смутился:

– Прошлой ночью умер их младенец. – Он опустил взгляд, нервно перебирая пальцами. Потом повернулся на матрасе спиной к детям, и разговор прервался.

Минь придвинулся к Ань поближе и прошептал на ухо, чтобы Тхань не услышал:

– А вдруг они не позволят причалить лодке родителей?

Ань взяла его за руку, чтобы проверить, как заживает рана под пластырем.

– Позволят, – ответила она и после паузы снова повторила, скорее для себя, чем для брата: – Позволят.

Минь не стал с ней спорить, возможно, потому, что получил ответ, который хотел услышать; в дальнейших объяснениях он не нуждался. Они наблюдали за происходящим на верфи: мать все еще рыдала, полицейские патрулирова-

ли территорию, время от времени выкрикивая непонятные слова. К ним подошел другой полицейский, более любезный. Он принес с собой стопку одежды и протянул ее Ань:

– Вот. Чтобы вы не мерзли.

– Спасибо, – прошептала Ань, принимая одежду. Пиджак от костюма она накинула на плечи Миня, колючий свитер отдала Тханю.

– Нужно попробовать заснуть, – сказала она, надевая серый кардиган. – В лодке мы почти не спали.

Ань видела ужас в глазах братьев: они не понимали, почему им придется жить на этой верфи в течение следующих двух недель, дожидаясь родителей, братьев и сестер, – плачевное состояние помещения наводило на разные мысли. Тхань положил голову на урчащий живот Ань, а Минь крепко обхватил ее руку. Вскоре они погрузились в сон.

22 ноября 1979 – Остров Ко Кра, Таиланд

ВЬЕТНАМСКИЕ БЕЖЕНЦЫ СПАСЕНЫ И ВЫВЕЗЕНЫ С ОСТРОВА В ТАИЛАНДЕ

Джек Барнс, старший репортер

Поступили сообщения о том, что семнадцать вьетнамских беженцев, включая детей, были убиты рыбаками на острове Ко Кра в Сиамском заливе. Предположительно около пятисот тайских рыбаков участвовали в изнасиловании тридцати семи женщин на острове Ко Кра на протяжении двадцати двух дней. Женщины были с четырех разных лодок, на остров Ко Кра их привезли рыбаки, которые протаранили своими суднами лодки беженцев, не позволив им скрыться. Они собрали с тонущих суден самых привлекательных, по их мнению, женщин и девушек и перетащили их к себе на борт. Остальные пассажиры были оставлены в море на верную смерть. Мужчины пытались спасти своих жен и дочерей, некоторые при этом тонули. Похищенные женщины были доставлены на Ко Кра, их лодку окружали мертвые мужчины, женщины и дети, чьи тела держались на поверхности воды у берега.

Некоторым женщинам удалось спрятаться в пещерах, где им пришлось стоять по пояс в воде, и

их ноги объедали крабы. Одна выжившая утверждала, что была свидетелем того, как рыбак поджег куст, откуда с криками выбегали прятавшиеся там женщины, охваченные пламенем.

Наиболее привлекательных женщин рыбаки забирали с острова и затем продавали в публичные дома на юге Таиланда или заставляли ездить с ними и торговать собственным телом между лодками.

После двадцатидвухдневного пребывания на этом адском острове сто пятьдесят шесть выживших женщин, самой младшей из которых было двенадцать лет, были спасены судном Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Их доставили в лагерь беженцев в городе Сонгкхла на юге Таиланда. В качестве подозреваемых задержаны семь рыбаков. Отвечая на расспросы официальных лиц о событиях на Ко Кра, женщины вспоминали, что во время плена мужчины то приезжали, то уезжали с острова, пользуясь телами пленниц день и ночь.

Работник лагеря беженцев в Сонгкхле позже рассказал, что подавляющее большинство женщин в возрасте от десяти до пятидесяти лет стали жертвами сексуального насилия.

Декабрь 1978 – Гонконг

– Скажи «а-а-а», – попросил доктор, ковыряя палочкой глубоко во рту Миня.

Мальчик подчинился, но от рвотных позывов удержаться не мог. Доктор начеркал что-то на бланке и, не удостоив Миня ни словом, ни взглядом, перешел к следующей семье.

Они находились на верфи вот уже две недели. Четырнадцать дней болезней, сырости и грязи, допросов полицейских и ежедневных врачебных осмотров, словно они были каким-то скотом. Молодого человека и семью, сидевшую рядом, сменили молодая пара и мать с сыном, еще не привыкшие к новому окружению, их волосы и кожа все еще хранили следы морской соли.

– Когда нас заберут? – спросил Минь у Ань, вставая, чтобы размять спину.

Сегодня был их черед. Они прошли все медицинские тесты, сдерживали кашель и без промедления повиновались любым приказам рычащих полицейских, безропотно ели холодный недоваренный рис, который им накладывали в миски. Но когда наступил последний день карантина, Ань почувствовала, что если она еще хоть минуту подышит воздухом верфи, то ее разорвет на части.

– Кажется, обычно приходят после обеда. Нужно потер-

петь, — сказала она Миню.

Тхань дремал на краю матраса. Он сильно похудел в сравнении с тем, каким был месяц назад, до начала путешествия. Ань разглядывала его слабое тело, живот, который то поднимался, то опускался вместе с дыханием, и гадала, сколько времени пройдет, прежде чем брат полностью исчезнет и останутся одни только кости.

Незнакомый голос прервал ее мрачные мысли:

— Ань, Тхань и Минь?

Ань увидела перед собой женщину и быстро встала, слегка подтолкнув Тханя, чтобы сделал то же самое.

— Да, — ответила она. — Это мы.

Женщина улыбнулась в ответ.

— Меня зовут Изабель, — представилась она. — Я отвезу вас в Кайтак, в лагерь, где вы будете жить. Соберите, пожалуйста, свои вещи.

— Да, — торопливо сказала Ань. — Да, мы сделаем это прямо сейчас.

Изабель снова улыбнулась.

— Хорошо. Я вернусь, — сказала она, направляясь к другой группе, которая прибыла одновременно с Ань и ее братьями.

— Мы уезжаем? — спросил Тхань. — На самом деле?

— Да, — сказал Минь, укладывая свою рваную одежду в рюкзак. — побыстрее собирай свои вещи.

Дневной свет ослепил их, когда они вслед за Изабель вышли наружу вместе с десятком других беженцев. Ань сдела-

ла глубокий вдох: наполнила легкие воздухом, которым не дышала четырнадцать дней, воздухом, пахнущим бензином и морем.

— Пойдем, — позвала Изабель, легонько похлопав Ань по спине. — Наш автобус — слева от гавани.

* * *

Лагерь находился поблизости от международного аэропорта Гонконга, в часе езды от верфи.

Когда они вышли из автобуса, то увидели высокие металлические ворота, которые охраняли двое вооруженных людей. Охранники провожали взглядом всех новоприбывших, которые проходили в эти ворота. Ань понятия не имела, чего теперь ждать. План отца не включал в себя пребывание в лагере, только маршрут до него. Поэтому, когда она и ее братья вошли в ворота, Ань вздохнула с облегчением, обнаружив мир, который выглядел гораздо менее мрачно, чем верфь. Белые квадратные бараки с металлическими крышами выстроились в ряд на земле, по цвету напоминающей почву Вунгтхэма. Беженцы бродили между бараками и дорогой, несли детей или ведра с водой, и Ань слышала вьетнамский язык — южные и северные диалекты вперемешку.

— Лагерь *огромный*, — заметил Тхань.

Изабель привела их в один из белых бараков, и Ань поразила простор, который невозможно было представить, гля-

дя на здание снаружи. Внутри тянулись ряды трехъярусных коек с занавесками – попытка создать видимость уединения. Верхние спальные места находились всего в нескольких сантиметрах от потолка. В бараке уже проживали около двадцати беженцев, и они с недоверием смотрели на Ань и ее братьев, пока те пробирались к своему новому месту. Здесь были как их ровесники, так и бабушки и дедушки, молодые мужчины и женщины, беременные и матери. Как и на верфи, здесь тоже стоял запах грязи и пота, может, и не такой мощный, но достаточно сильный для того, чтобы Ань слегка поморщилась, оказавшись внутри.

– Вот, – сказала Изабель. – Вы будете на верхней койке. Пока что вам придется спать всем вместе.

– Скоро к нам присоединится наша семья, – сказала Ань. – Они должны приехать в ближайшие две недели или около того. Изабель повернулась и посмотрела на Ань по-новому, как будто только сейчас осознав, что перед ней всего лишь ребенок.

– Это хорошо, – сказала она. – Как только они приедут, вы сможете жить все вместе в одном бараке. И мы пригласим вас на собеседование в Службу по переселению, чтобы узнать о вас побольше.

* * *

Ань и ее братьям не оставалось ничего другого, кроме как

быстро адаптироваться к новой жизни в лагере на севере от Кайтака. Теперь вместо шума причаливающих к берегу лодок, к которому они привыкли на верфи, их дни сопровождал рев садящихся и взлетающих самолетов — они оставляли в небе белые полосы, и те постепенно сливались с облаками. Несколько недель спустя появился привычный распорядок дня. В восемь часов они просыпались в койке, которую приходилось делить друг с другом. Стараясь прикрыться, одевались рядом с соседями по бараку. На завтрак им давали апельсин, лонган или банан.

После этого они спешили на уроки с миссис Джонс, говорившей с сильным британским акцентом, который, как позже поняла Ань, был «аристократическим». Кабинет удивительно напоминал тот, что был у них в Вунгтхэме: белые стены, покрытые детскими рисунками, большая пыльная доска и маленькие деревянные парты. Их распределили в средний класс, где надо было учить такие фразы, как *«у меня есть брат и сестра»*, *«сегодня пасмурно»* и *«я иду на рынок за рыбой»*, фразы, которые они повторяли друг другу по ночам, хихикая над иностранными словами, слетающими с их губ. Из всех троих произношение лучше всего давалось Тханю: его язык был еще достаточно гибким, чтобы приспособиться к новой речи, в то время как Миню и Ань с трудом давались «р», «с» и «з».

Ровно в полдень они вставали в очередь на обед с красными пластиковыми мисками в руках. Зачастую это была без-

вкусная и еле теплая жидкая рисовая каша с небольшим количеством овощей: мягкая пища, пригодная как для зубов младенцев, так и для стариков.

– Нам придется это есть каждый день? – спросил Минь в первый же прием пищи, наблюдая, как слипшийся рис сползает с его ложки.

– Да, – шепотом ответила Ань. – Пожалуйста, перестань жаловаться, кто-нибудь может услышать.

За лагерем наблюдала Верховная комиссия ООН по делам беженцев, а такие работники, как Изабель – обычно из Красного Креста, Армии спасения или организации «Спасем детей», – дни напролет бродили по территории с аптечками первой помощи или контрольными списками в руках. Наблюдая за ними, Ань поняла, что лагерь – это лимб, чистилище между их старой и новой жизнью. Время от времени сотрудники ООН из Службы по переселению вызывали какую-нибудь семью или группу и сообщали, что та или иная страна согласилась принять их. Все обитатели лагеря следили, затаив дыхание, как их соседи шли от своего барака к офису чиновников, в руках которых – судьба. Выходя из офиса, некоторые впадали в состояние дикого восторга, вставали на колени в молитве, вскидывая и опуская руки, бормотали слова благодарности и имена умерших близких. Другие шли с бледными лицами, изо всех сил стараясь не разрыдаться, что означало: страна, которую им теперь придется называть своим домом, была либо неизвестной, либо

нежеланной.

Переселение оказалось лотереей, в которой были как победители, так и проигравшие. Соединенные Штаты считались Святым Граалем, страной свободы, ковбоев и Элвиса, и большинство беженцев проводили свои дни в мечтах о жизни в США, где они станут бизнесменами и владельцами ресторанов, положат начало роду врачей и инженеров. Германия или Италия были утешительным призом, странами, которые казались чужими, ведь языков, на которых там говорили, беженцы не знали. Эти страны означали скорбь по той жизни, которую беженцы уже обрисовали себе в мечтах, о которой рассказывали детям сказки на ночь и которую видели в сновидениях. Ань не стала исключением: лишь только приехав в лагерь, она начала фантазировать о жизни с чистого листа в стране свободных людей или, как говорил их отец за обеденным столом в Вунгтхэме с блеском в глазах, — о воплощении своей *американской мечты*.

* * *

Когда Ань и ее братья постепенно привыкли к жизни в лагере, бóльшая часть их дней стала проходить в ожидании приезда семьи. При первом же звуке приближающегося автобуса Тхань и Минь мчались к воротам, Ань пыталась уговорить их, но братьям не терпелось уехать. Каждый раз они вглядывались в лица людей, выходящих из автобуса, и каж-

дый раз разочаровывались, так как ни один из пассажиров не принадлежал к их семье, и расстроенные мальчишки возвращались в свой барак. Прошло три недели, а родителей, братьев и сестер все еще не было.

– Когда они приедут? – постоянно спрашивал Тхань.

– Скоро, – отвечала Ань. – В любой момент. – Но с каждым новым часом внутри нее росло дурное предчувствие, что что-то не так. Одна ее часть не хотела ничего с этим делать, другая считала, что, пока они втроем продолжают заниматься своими делами, ничего плохого не случится и разговоры об отсутствии семьи только усугубят ситуацию. Спустя месяц сомнения Ань настолько выросли, что она больше не могла справляться с ними в одиночку, и после обеда, пока братья были в школе, отправилась в кабинет Изабель.

– Наша семья все еще не приехала, – сообщила она Изабель. – К этому моменту они уже должны были быть здесь. – Изабель подняла на нее взгляд, спокойный и сдержанный, как будто ей уже много раз доводилось слышать эти слова.

– Опиши их, пожалуйста, – попросила она, взяв лист бумаги.

Ань рассказала о высоком росте и крепком телосложении отца, о родинке мамы, которая, словно тень, покоилась над правым глазом. Она описала темные волнистые волосы Май и Вэн, доходившие им до груди, упомянула о крошечном фиолетовом родимом пятне на левом колене Дао и о хрупком сложении малыша Хоанга. Изабель делала пометки, ее ручка

плавно скользила по странице.

– Не стоит переживать, – заверила Изабель, открывая дверь перед Ань, – уверена, что они скоро придут.

* * *

В январе температура немного упала, и лагерь оживился. Ань стирала одежду братьев возле их барака, когда увидела бегущую в ее сторону Изабель.

– Ань, – сказала она. – Можешь пойти со мной, пожалуйста? Прямо сейчас.

По ее взволнованному голосу и торопливому шагу Ань поняла – что-то случилось, хотя и не догадывалась, что ее ожидало. Она зашла в кабинет Изабель, где в том же кресле, в котором она сидела всего неделю назад, в кресле, в котором она так точно и с любовью описывала своих родителей, братьев и сестер, теперь сидел мужчина. Он представился и пожал ей руку, пока Изабель переводила его кантонскую речь.

– Это морской офицер, – объяснила она. – Они нашли несколько... тел на пляже, некоторые из них соответствуют описанию твоей семьи и их вещей.

Дальше все было как в тумане. Изабель присела и держала Ань за руки, заглядывая ей в глаза. Ань казалось, что ее сейчас стошнит, утренняя каша стала комом в горле.

– Ты не обязана, – повторяла Изабель, – ты не обязана.

Но нет, она обязана, она была обязана опознать тела.

Неизвестность хуже, понимала она, гораздо хуже, чем эта картина. Ее руки ослабли в ладонях Изабель. Она встряхнула головой: — Я обязана их увидеть.

Вместе с офицером и другими жителями лагеря, у которых пропал кто-нибудь из семьи, они отправились на пляж на южном побережье. Стояла знойная жара, палило солнце. Доктор откинул простыни: каждая из них скрывала тело, двое взрослых, трое детей и один младенец оказались перед Ань, их лица были такими близкими и в то же время такими чужими — в них больше не было жизни.

* * *

Их похоронили на кладбище недалеко от Кайтака вместе с другими вьетнамцами, которым не удалось добраться до берега живыми. Ань и ее братья наблюдали со стороны, как копают могилы и опускают в них гробы. Дети отказывались подойти ближе, даже когда Изабель пыталась подтолкнуть их.

— Вы точно не хотите попрощаться? — спросила она, но в ответ они лишь отрицательно покачали головами. Они хотели, чтобы этот момент остался в их памяти чем-то мутным, туманным, чтобы им никогда не удалось восстановить его в сознании, чтобы со временем он размылся, как тот семейный снимок в сумке Ань.

Имена их родителей, братьев и сестер были выгравирова-

ны на деревянной дощечке, висевшей в молельной комнате. Рядом – еще одна табличка, за ней – другая, ряды имен умерших вьетнамцев покрывали стены от пола до потолка. Ань задумалась: ее имя могло запросто оказаться на этой стене, на месте своих братьев и сестер могла быть она.

После похорон Изабель отвезла детей обратно в лагерь, нервно поглядывая на них в зеркало заднего вида. Братья Ань смотрели в окна по обе стороны, то и дело всхлипывая. Ань начала осознавать, что теперь она самая старшая в их маленькой семье из трех человек. Теперь ответственность за братьев лежала только на ней. Их жизни находились в ее хрупких пальцах.

– Когда вернемся, обязательно помойте руки, – сказала она мальчикам, думая, что именно это сказала бы мама.

Апрель 1979 – Лагерь беженцев в Кайтаке, Гонконг

Тхань и Минь играли в футбол с соседскими детьми, ловко проводя мяч между металлическими бараками и случайными зрителями. Каждый день после обеда их крики и возгласы разносились по лагерю, пока они перебрасывали мяч друг другу, обозначив импровизированные ворота пустыми бутылками из-под воды. Ань с беспокойством следила за братьями, опасаясь, что они могут ушибиться. Зачастую вместе с ней за этими играми наблюдали матери других детей, которые взяли на себя заботу об Ань. Они следили, чтобы девушка не уходила из квартала в более опасные районы Кайтака и не пользовалась душем в одиночку, они наказывали братьев Ань от ее имени в те моменты, когда голос девушки был недостаточно тверд.

Лагерь стал для Ань и ее братьев их собственным маленьким миром, миниатюрной версией Вьетнама. Хотя здесь и жили десять тысяч человек, лишь немногие уходили далеко от своих бараков, и вскоре выражения лиц окружающих стали казаться приветливыми, а имена – знакомыми, стали завязываться разговоры. Изабель разрешила Ань выходить за пределы лагеря в дневное время – три раза в неделю де-

вушка работала на швейной фабрике, где получала пятьдесят гонконгских долларов за смену. Пока ее братья были в школе, где изучали математику, географию или ходили на уроки труда, Ань со своими коллегами ехала в полуразбитом автобусе на огромный холодный склад у южного побережья острова Лантау. Домой она возвращалась уже после окончания занятий братьев, и ей не нравилось оставлять их одних. Она представляла себе, как Тхань и Минь скитаются, как темные фигуры заманивают их во что-то опасное. Она боялась, что однажды вернется и у ворот ее будет ждать Изабель с опущенной головой, а рядом с ней – коронер, чей образ был еще так отчетлив в памяти.

Однако им нужны были деньги: еды, которую давали в лагере, не хватало растущим организмам. Часы работы были долгими, а зарплата низкой, но она позволяла Ань покупать дополнительные овощи и фрукты в магазине, а также роллы бань куон¹¹ у вьетнамки, что торговала с лотка рядом с баром. Все это помогало хоть как-то приблизить их жизнь к тому, что они знали раньше. Лоточница была родом из деревни неподалеку от их дома, и ее стряпня напоминала блюда, которые когда-то готовила их мать. Один кусочек – и их накрывало воспоминаниями о Вунгтхэме: они возвращаются из школы, доносится постукивание маминого ножа, которым она мелко нарезает свинину и древесные грибы, дети целу-

¹¹ Bánh cuốn – паровые рисовые блинчики с начинкой, которые скатывают в роллы. (Прим. пер.)

ют маму и собираются за обеденным столом, чтобы начать делать домашнее задание по математике, французскому или естественным наукам. Теперь Ань оставляла своих братьев одних, напоминая им после школы сразу отправляться в барак. Других матерей она попросила присматривать за ними, и те – с орлиным взором, радостно – выполняли ее просьбу.

Мать учила ее шить, по субботам Ань с утра сидела с ней и ба ноай за обеденным столом, корпя над маленькими лоскутками ткани из рваной одежды братьев и сестер. Пришивая пуговицы или чиня прорехи на рубашках, старшие обсуждали последние деревенские сплетни, которых маленькой Ань было тогда не понять, – блудливый глаз соседа или внебрачную беременность чьей-то дочери. Вспомнив о тех неторопливых занятиях, Ань решила, что легко справится с этой работой. Но в первый же день, увидев, в каком темпе работают остальные, она поняла, что ошибалась. Недели напролет ее руки кровоточили от уколов иголкой, которые она наносила себе, работая с непосильной для нее скоростью. Другие швеи едва замечали Ань, их равнодушие распространялось на все, обеденные перерывы проходили в тишине по углам большого помещения. Все отлично понимали, что их могут уволить в любой момент, заменив кем-то более эффективным; беспощадный нрав работодателя сказывался на их поведении.

Ань переживала, что никогда не будет достаточно хороша для этой работы и что если она недостаточно хороша для этой работы, то никогда не будет достаточно хороша для лю-

бой другой. Она приходила в ужас от одной только мысли, что никогда не научится справляться со всем сама, без помощи матери. Но она не была одна, у нее были братья, о которых нужно заботиться, ведь они зависели от нее. Если не для себя, то для них Ань должна была стараться, и она продолжала стараться, пока не приспособилась шить скатерти и занавески, футболки и брюки с той же скоростью, что и швеи, которые работали на фабрике годами.

* * *

К тому времени, когда Ань садилась в автобус до Кайтака, уже было темно. Ей нравилось вытирать рукавом окно и сквозь пелену тумана любоваться городом с его фонарями и мчащимися мотоциклами, пьяными прохожими и усталыми бизнесменами, спешащими домой. Это зрелище отличалось от Вунгтхэма, было таким живым и суетливым, что казалось, смотришь фильм через окно-экран. Город окружал ее и в то же время казался далеким и недостижимым, целый мир, за которым удавалось лишь наблюдать, но ухватиться за него было невозможно. Лагерь и фабрика – единственные места, которые были доступны Ань. В конце дня она, падая от усталости, с судорогами в руках, возвращалась в барак, где ее ждали полусонные братья.

– Как прошел день? – спрашивала Ань.

Минь обычно просто пожимал плечами со словами: «Хо-

рошо», – а Тхань восклицал: «Посмотри, что я сегодня сделал!» – и спешил показать ей очередную миску из папье-маше или раскрашенную карту мира, гордясь сделанным за день. Мальчикам и в голову не приходило спросить Ань, как прошел ее день. Она стала для них путеводной звездой, постоянно присутствуя в их жизни, и поэтому, конечно, у нее все должно было быть хорошо, да и ей самой хотелось, чтобы они так считали.

* * *

Тема смерти семьи была под запретом, ее обходили стороной всеми силами, как будто бы лишь одно слово об этом могло наслать на них проклятье. Но воспоминания постоянно висели тучей над Ань, вторгаясь в ее мысли и не давая покоя по ночам, мелькали перед ней опухшими мертвыми лицами близких. Она старалась не подавать виду и не терять самообладания, чтобы спокойно следить за бурным циклоном жизни своих братьев.

Она видела, с каким трудом мальчики справляются со скорбью, которая в силу их возраста приняла форму спорадических приступов и криков. Тхань впадал в ярость при малейшей же сложности: остывший ужин или поражение в футболе заставляли его кидаться на противников с кулаками и возгласами: «Это нечестно!» Тогда Ань приходилось утаскивать его с пыльного поля обратно в барак. Минь, на-

оборот, молчал часами напролет, нахмутив брови, сжав губы, наворачивал круги перед бараком. «Как отец мог быть таким идиотом? Любому ясно, что его план не имел шансов на успех», – говорил он, пиная ногами землю, засунув руки в карманы. Каждый раз Ань приходилось успокаивать Миня, чтобы он не привлек лишний раз внимание соседей или работников лагеря. Но ей это не удавалось, брат только сильнее злился. Тогда она пыталась отвлечь его, просила выполнить какое-нибудь задание, помочь постирать одежду – и так, пока его гнев не испарялся.

* * *

В первую очередь дети злились на своего дядю. Даже Ань, которая изо всех сил старалась проявлять сочувствие и быть справедливой в своих суждениях, не могла потушить огонек негодования внутри себя. В итоге родственник превратился и в ее сознании в злодея. Она винила его в их несчастьях, в том, что он вложил в голову отца идею уехать из Вунгтхэма, тем самым разрушив их семью.

Через несколько дней после того, как родители, братья и сестры были преданы земле и мысли о дяде начали насквозь пронизывать сознание Ань, к ней осторожно обратилась Изабель:

– Вас вызвали на первичное собеседование в Службу по переселению. – При этих словах она заметила волнение на

лице Ань. – Не переживай. Вам всего лишь зададут несколько простых вопросов, это необходимо для заявления на переселение. – Она жестом пригласила Ань следовать за ней, и они вместе направились в кабинет Службы переселения. Ань старалась идти уверенным шагом, олицетворяя собой главу семьи, которой она теперь была, как когда-то – ее отец.

– Мы очень сожалеем о вашей утрате, Ань. Выражаем вам и вашим братьям глубочайшие соболезнования, – сказал служащий ООН, мистер Барнетт, жестом приглашая Ань присесть. – Мы хотим, чтобы у вас все сложилось наилучшим образом.

Ань молчала с опущенной головой, опасаясь рыданий, которые могли вырваться наружу, стоит ей открыть рот.

– Вы старшая в семье и выступаете опекуной ваших братьев, поэтому, если вы не против, я задам вам несколько вопросов, – продолжил мистер Барнетт. – Вы сообщили Изабель, что собирались уехать в Америку, верно? Вы немного говорите по-английски, ведь так? Ваш отец был учителем во время войны?

Ань машинально кивнула, осмысливая слова сотрудника: *старшая в семье*, старшая из выживших.

– Отлично. Это плюс, если вы говорите по-английски. Есть ли у вас родственники за границей? Это может помочь вашему заявлению. Если американские власти узнают, что у вас там есть семья, они, возможно, легче примут вас. У вас будет спонсорство.

Ань не знала, что такое спонсорство. Не знала, чего хочет, кроме как чтобы ее семья была рядом с ней и чтобы на эти вопросы отвечал ее отец, а не она. *Семья за границей.* Она вспомнила слова отца: как только они приедут в Нью-Хейвен, ее тут же устроят в тетин маникюрный салон. Тогда эта идея шокировала Ань. Ей вовсе не хотелось становиться частью чужой жизни, наблюдать, как ее двоюродные братья возвращаются домой из школы, как мать встречает их с объятиями, как отец учит их кататься на велосипеде, – наблюдать и вспоминать о боли, которую дядя причинил им всем. Она ненавидела их семейную идиллию, которую вообразила себе и которую, как ей казалось, дядя отнял у нее. Она считала, что обойдется без них. Что Америка пустит их вне зависимости от того, укажут ли они в заявлении своего дядю или нет, а приехав, они смогут устроить свою жизнь самостоятельно. И после короткой паузы, во время которой мистер Барнетт не спускал с нее своего внимательного взгляда, держа ручку над бланком наготове, она ответила:

– У нас никого нет.

Офицер поставил галочку в документе без каких-либо дальнейших вопросов.

– Хорошо, спасибо. Мы найдем для вас новую безопасную страну, которую вы сможете назвать своим домом. – С этими словами он поднялся и пожал руку Ань, а затем проводил ее до выхода.

Месяц спустя, наблюдая за тем, как братья общаются с другими детьми на футбольном поле, Ань все еще испытывала ноющую тревогу из-за своего ответа «У нас никого нет»: а вдруг эта галочка в бланке может как-то повлиять на их переселение в Америку? Она осознала, что это было лишь минутным порывом, каким-то детским поступком. И теперь она переживала о последствиях, которые повлечет за собой этот порыв.

– Гол! – закричал Тхань.

Ань аплодировала успеху брата, и матери рядом с ней кинулись ее поздравлять.

Узнав о Ко Кра, я не спала три ночи, и снова и снова спрашивала себя: «Почему я хочу это сделать?»

Думаю, это скорее потребность, чем желание.

Я хочу знать все.

Я хочу оживить эту историю в моем сознании.

И чем больше я знаю и понимаю, тем сильнее чувствую себя ответственной за то, чтобы передать эту историю другим, словно она досталась мне по наследству и вместе с тем стала моим бременем и заботой.

Я не могу позволить ей раствориться; я не могу позволить ей умереть.

Август 2022 – Остров Ко Кра, Таиланд

Вода и небо лазурно-голубого цвета. К острову на большой скорости приближается моторная лодка с австралийцами – пара с тремя маленькими детьми. Вместе с ними – гид. Четыре-пять раз в день он привозит сюда туристов с дорогих курортов острова Ко Чанг, чтобы те могли понырять с маской и трубкой в рифах близлежащего острова Ко Кра.

Родители наблюдают, как дети радуются рыбам и кораллам, к ним присоединяются лодки с другими семьями. Завязываются разговоры, что-то вроде *откуда-какой-отель-бы-вали-раньше-в-Таиланде?* Один мальчик уговаривает родителей посмотреть вместе с ним на рыб, другой плачет, потому что ему показалось, кто-то укусил его за ногу. Девочка-подросток жалуется, что вода слишком холодная, но примерно через минуту ее нытье сменяется возгласами удивления: океан начинает раскрывать им свои тайны.

Из лодки отец замечает на западном побережье острова нечто похожее на обломки заброшенного маяка.

– Мы можем туда съездить? – интересуется он, но гид поспешно качает головой:

– Нет, ни в коем случае, это запрещено. Слишком опасно. Слишком старое.

Мужчина не настаивает и вместо этого делает фотогра-

фию, крупным планом – смеющиеся в воде дети. Вечером в гостинице он разместит снимок в социальных сетях – «Инстаграме», «Фейсбуке», «Твиттере»¹² – и подпишет *«Первый раз на снорклинге!»*. Тут же посыплются лайки друзей и родственников. Детей немного смутит непрошенное внимание к их личной жизни, но их слабые протесты и надутый вид останутся незамеченными: отец не отрываясь будет пялиться в крошечный экран.

К полудню гид аккуратно предлагает семье вернуться на Ко Чанг. Прежде чем завести мотор, он интересуется у детей, хорошо ли они провели время, и в ответ слышит единогласное «да». Родители молча кивают и улыбаются. В отеле их ждет обильный и заслуженный обед: том-ям и пад-тай, куриные палочки и картофель фри. Родители загорают, пока их дети в нарукавниках плещутся рядом в бассейне, и от их плеска расходятся небольшие волны.

* * *

Внутри разрушенного маяка на острове Ко Кра от взгладов туристов и нежелательных посетителей тщательно укрыты деревянные балки, от одной стены к другой. Несмотря на гниль, вмятины и паутину, все еще можно разобрать

¹² Здесь и далее встречаются упоминания социальных сетей «Фейсбук» и «Инстаграм», которые принадлежат Meta, признанной в РФ экстремистской организацией.

несколько небрежно выцарапанных слов на вьетнамском языке.

Женищина, прячься немедленно.

Обрежь волосы и притворись мальчиком.

Май 1979 – Лагерь беженцев в Кайтаке, Гонконг

– Давай купим газировки, пожалуйста? – попросил Тхань во время их еженедельного похода в продуктовый магазин на территории лагеря – деревянное строение, которым заправляет один из престарелых жильцов. Ань заглянула в свой кошелек. Внутри лишь несколько долларов: ей все еще не заплатили за неделю.

– Только одну. На всех.

Минь положил банку кока-колы в корзину к рисовым лепешкам и манго.

– Она точь-в-точь такая же, как те, что пили американские солдаты, когда пришли в нашу деревню, – заметил Тхань.

Владелец магазина просканировал штрих-код кока-колы и передал ее Миню, после чего переключил свое внимание на остальные продукты.

– Как дела в школе? – поинтересовался он у детей.

– Хорошо, – ответил Тхань. – Я уже научился считать до ста по-английски.

Продавец поднял большой палец вверх.

По дороге домой солнце начало растворяться в тумане: Ань и Минь шли первыми, Тхань плелся за ними, пиная но-

гой камешки. Ань обернулась, чтобы поторопить его, как вдруг до них донесся крик, за которым последовала какая-то паника: люди ринулись на шум, женщины убрали с их дороги своих детей. Ожесточенные ссоры в лагере были обычным делом. Столкновения между северными, южными вьетнамцами и народом хоа происходили ежедневно – иногда из-за политических убеждений, иногда из-за мелочей, вроде враждебного взгляда и слишком долгого душа. Ань предупреждала братьев, что в таких случаях надо держаться подальше, бежать в другую сторону, если услышат, что начинается драка. Но на этот раз, возможно, потому что они были вместе или потому что в кричащем голосе было что-то знакомое, любопытство взяло над ней верх, и они вместе медленно приближались к месту происшествия в надежде понаблюдать за всем издалека.

Глаза, опухшие и с синяками, были плотно закрыты, нос и губы измазаны красным, но они сразу же узнали человека, который лежал на земле. Рядом с ним дети жили на верфи две недели – он первым поведал им о карантине и лагерях, он советовал щипать себя за щеки и подавлять кашель. Напавшие уже разбежались, и он лежал без сознания на грязной земле, пока две женщины склонялись над его ранами с влажными полотенцами. Тхань хотел было подойти ближе, но Ань схватила его за плечи. Они остановились в нескольких метрах, выглядывая из-за стены барака.

– Думаешь, он мертв? – прошептал Минь.

Обернувшись, Ань увидела, что брат напуган: хотя он пережил войну и потерю семьи, ему еще ни разу не приходилось видеть собственными глазами насильственную смерть. Ань молчала, не зная, что ответить. Появились два парамедика, погрузили мужчину на носилки и унесли – Ань чувствовала, что они видели его в последний раз, и образ, который останется от него, – это хрупкое безжизненное тело в грязи.

– Ладно, хватит, – сказала Ань, отводя взгляд в сторону. – Пойдемте отсюда.

Они продолжили свой путь к барaku, Тхань и Минь молча потягивали колу, передавали баночку друг другу после каждого глотка, пытаясь переварить увиденное.

– Ань! – Изабель подбежала к ним, когда девушка уже собиралась открыть дверь в барак. – Вы можете все втроем сейчас заглянуть в Службу переселенцев? Мистеру Барнетту нужно с вами поговорить.

Они занесли в барак продукты и поспешили в офис. Ань и не представляла, чего следует ожидать, ведь самое худшее с ними уже случилось. Она постучала, и мистер Барнетт открыл дверь, на его лице была широкая улыбка.

– Входите, – сказал он.

Все трое сели на деревянные стулья напротив него, Тхань был ненамного выше стола, Минь сидел на краешке своего стула.

– У меня есть плохие и хорошие новости, – начал мистер

Барнетт. — Плохая новость заключается в том, что Соединенные Штаты отклонили ваше заявление. На данный момент они сокращают прием беженцев. — Он сделал паузу, ожидая реакции детей, но они по-прежнему с тревогой смотрели на него, и он продолжил: — Хорошая новость — через три недели вы отправитесь в Великобританию. Они приняли ваше заявление.

Вместо того чтобы улыбнуться в ответ, Ань вцепилась в сиденье и закусила губу; смутнение и гнев нарастали в ней по мере того, как дышать становилось все труднее. Соединенное Королевство не входило в их планы. Не было частью той жизни, которую обрисовали для них родители. Мысли путались, а потом Ань вдруг вспомнила, что не рассказала работнику о своем дяде в Америке. «Нет. У нас никого нет», — раздался звук ручки, скользящей по графе в бланке. Мистер Барнетт продолжал говорить, но Ань уже не слушала. Она краем глаза заметила недоуменный взгляд братьев, обращенный к ней в ожидании, что она объяснит — это ошибка, их дорога ведет в Америку и только в Америку. Ань пробормотала едва различимое «спасибо», поднялась и ушла, братья последовали за ней.

Май 1979 – Лагерь беженцев в Кайтаке, Гонконг

Тхань сидел на земле перед баракom, подперев руками голову. Его брат и сестра собирали вещи, на это требовалось немного времени, учитывая, как мало у них осталось. Ань удалось накопить денег на небольшой чемодан из магазина Красного Креста. Соседи завидовали этому символу отъезда и новых начинаний, а некоторые с недовольным выражением лица наблюдали за тем, как Ань опустошает рюкзаки братьев и набивает чемодан. Тхань попытался помочь, но когда залез рукой в рюкзак сестры, то обнаружил на самом дне мятый листок. Это была семейная фотография с последнего тета: они прижимались друг к другу на диване в гостиной, цвета теперь были размыты, а выражения лиц неразличимы. Тхань внимательно всматривался, пытаясь разглядеть лица под разводами, но тщетно. Неожиданно он разорвал фотографию на мелкие кусочки, яростные слезы залили его лицо, пока соседи по общежитию смотрели на него в изумлении.

– Почему ты не сохранила ее? – закричал он на Ань; клочки снимка лежали у его ног.

– Вокруг нас был сплошной океан, – умоляюще ответила она, подбирая обрывки вместе с Минем. – Что я могла сде-

лать?

– Ты могла ее сберечь, если бы постаралась, – с этими словами Тхань выбежал из барака, прежде чем Ань успела хоть как-то отреагировать на его слова.

* * *

В глубине души он понимал, что требовал от нее невозможного. Но все равно ему хотелось злиться. Ему нужен был кто-нибудь, чтобы обвинить в уничтожении последнего осязаемого воспоминания о его семье.

Завтра они снова вернутся на верфь, чтобы пройти карантин перед отъездом из страны, как будто у Кайтака был собственный микробиом, более опасный, чем остальной Гонконг. Тхань с ужасом представлял себе возвращение в огромное холодное пространство, где грязный воздух пропитан страданиями, где врачи каждый день проверяли его легкие и миндалины, ковыряли деревянной палочкой глубоко в горле, до рвоты. И в то же время он испытывал облегчение от того, что проведет немного времени в знакомом мире, прежде чем окунуться в неизвестность. Через две недели им предстоит отправиться в Борнмут на самолете. «Вы полетите в облаках», – объяснила миссис Джонс, и эта мысль наполнила его одновременно ужасом и предвкушением. Тем же утром мальчики попрощались со своим классом, дав слово поддерживать связь, хотя ни у кого из них не было ни адресов, ни

телефонов, чтобы обменяться ими. Лишь только узнав, куда их переселяют, учительница принялась изо всех сил расхваливать свою страну.

– Там вы сможете говорить по-английски, – сказала она Тханю. – Найдете применение всем фразам, которым я вас научила.

– Например, *сегодня пасмурно*, – сказал он, желая показать, что хорошо запомнил урок.

– Да, – засмеялась она. – Это тебе очень пригодится.

Она добавила, что, возможно, если они будут хорошо себя вести, то смогут съездить в Лондон, чтобы посмотреть на королеву в Букингемском дворце и увидеть караульных, которые носят меховые шапки и красные костюмы и стоят неподвижно часами напролет. Сказав это, учительница вытерла слезы, и ее слова потеряли всякую убедительность.

* * *

Тханю еще никогда не приходилось видеть свою сестру такой подавленной, как после того рокового дня в Службе по переселению. Всю обратную дорогу до барака она молчала, молчала и за ужином, пока они с Минем забрасывали бесконечными вопросами пустотелую раковину, в которую она превратилась. Они вслух рассуждали о дяде и Нью-Хейвене и спрашивали: «Что такое Соупли?» и «Где находится это местечко Соупли?», пока она угрюмо склонялась над своей

тарелкой с кашей. На следующий день Ань разбудила братьев раньше обычного и поспешила с ними вместе в Службу по переселению. Три стука в дверь, «входите», и вот они снова сидят на небольших деревянных стульях. Ань ожидала увидеть за столом мистера Барнетта, но вместо него там сидела другая сотрудница, которую раньше доводилось видеть лишь мельком. Ань пыталась убедить ее робким и умоляющим голосом, рассказывала этой невозмутимой женщине об их дяде в Америке, о жизни, которая ожидала их в Нью-Хейвене. Но та, взглянув на папку в своих руках, лишь покачала головой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.